УДК 811.161.1
DOI 10.17223/19986645/30/4

В.И. Тармаева

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПАРАДОКС В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

В статье рассматриваются узуальные и окказиональные фразеологические парадоксы. Когнитивная перспектива восприятия парадокса привычно идет к игре и через нее к комическому эффекту. Однако введение глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет говорящему использовать иллокуцию, нацеленную на существительный перлокутивный эффект, прикрываясь впечатлением игрового поведения. Речевое воздействие окказионального фразеологического парадокса в таких контекстах выходит за пределы простого комбинирования двух иллокуций.

Ключевые слова: фразеологический парадокс, когнитивная лингвистика, иллокутивные акты, пропозиция, языковая игра, иллокуция, трансформация.

Термин «парадокс» встречается в разных областях знания, используется в философии, литературоведении, логике, стилистике, риторике. Тем не менее каждая наука, оперируя термином «парадокс», обозначает им различные явления.

Парадокс как определенную словесную композицию определяют следующим образом: «кажущееся абсурдным и противоречащее здравому смыслу утверждение, своеобразное мнение, которое резко расходится с общепринятым» [1. С. 977].

В словаре литературоведческих терминов «парадокс – прием утверждения, явно противоречащего общепринятым понятиям, либо для разоблачения тех из них, которые, по мнению автора, ложны, либо для выражения своего несогласия с так называемым «здравым смыслом», обусловленным косностью, догматизмом, невежеством» [2].

Однако словарь Ж. Марузо (1960), Поэтический словарь (1966), а также Словарь лингвистических терминов (1992) не приводят толкования термина «парадокс», не рассматривают его как явление лингвистики.

Сам термин «парадокс» возник в античной философии для характеристики нового, необычного, неожиданного, оригинального мнения. «В самом широком смысле под парадоксом понимают высказывание, которое расходится с общепринятым мнением и кажется нелогичным (зачастую лишь при поверхностном понимании)» [3].

Парадоксальную форму имеют, например, такие философско-этические обращения, как: «Твой взгляды мне ненавистны, но всю жизнь я буду бороться за твое право отстаивать их» (Вольтер) или «Люди жестоки, но человек добр» (Р. Тагор). Независимо от глубины и истинности высказывания парадоксальность высказывания – один из атрибутов ораторского искусства.

Парадокс провоцирует разум, побуждает нас к активному мышлению, познанию сути вещей. Ему свойственна определенная двусторонность, двойст-

венность, и, что особенно характерно, он обладает специфическими когнитивными свойствами¹.

Наряду с достаточно серьезными парадоксами (например, высказыванием Т. Джефферсона «Война – такое же наказание для победителя, как и для побежденного») имеются и парадоксы, являющиеся откровенными пародиями. Таковы, например, многочисленные высказывания Дж. Б. Шоу («Не поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступили с тобой: у вас могут быть разные вкусы») и О. Уайльда («Не откладывай на завтра то, что можешь сделать послезавтра»).

Парадоксы в значительной степени лежат и в основе поэтики пословиц и поговорок («Тише едешь – дальше будешь», «И волки сыты, и овцы целы», «Гора родила мышь», «Мягко стелет, да жестко спать», «Iron hand in a velvet glove» и т.д.), баснях; они используются как прием в детской «поэзии нелепостей» (Л. Кэрролл, А. Милн, Э. Лир, К.И. Чуковский). Не вызывает сомнений парадоксальность оксюморонных словосочетаний, функционирующих как в разговорной, так и в поэтической речи (ср. «горячий снег», «мудрое безумие», «сладкая мука», «белый негр»).

Парадокс преимущественно используется с целью создания комического эффекта, является острым оружием сатиры и поэтому рассматривается в рамках теории комического, которая является разделом эстетики.

Литературоведы и лингвисты, равно как философы и логики сходятся в том, что телеологическая связка «парадокс – комическое» универсальна. Опираясь на понятия когнитивной лингвистики, можно утверждать, что направление категоризации в данном случае подобно вектору, соединяющему две ближайшие точки мыслимого пространства.

Мы не ставим перед собой задачу классифицировать формы комического. За основу можно взять классификацию Б. Дземидока, который, обобщив и проанализировав взгляды исследователей комического на «комизм юмористический» и «комизм сатирический» как две основные формы комизма, выделяет иронию как одну из промежуточных форм комического.

Однако факт существования переходной формы не означает, что ирония может быть выделена в самостоятельную форму комического, аналогичную юмору и сатире. Можно трактовать иронию «как один из видов техники комического», который используется как сатирой, так и юмором и представляет собой «замаскированную насмешку, где скрытый смысл является отрицанием буквального» [4. С. 45]. Мы разделяем точку зрения о том, что «ирония – комический парадокс» [5, 6], что не противоречит теории Дземидока.

¹ От латинского *cogitare* идут две деривационные линии. Одна связана с понятием «мыслить», а другая – с понятием «состоять в связи, в родстве» (ср. «когнаты» - кровные родственники в Древнем Риме). В современном понятии «когнитивный» две прототипические линии соединяются. В этом соединении образуется понятие «категоризация» - «мыслить, отыскивая связи, родство». Каждое средство языка может быть охарактеризовано как средство категоризации, ибо как энергия не может возникнуть из ничего, так языковое средство не может возникнуть без акта мыслительной деятельности, находящегося в связи с предшествующими и сопутствующими актами. Задача лингвиста – определить специфику категоризации отдельными классами языковых единиц. Комические выражения обладают специфическими когнитивными свойствами (= свойствами категоризации). Парадокс также является родовым явлением в языке и также обладает специфическими когнитивными свойствами.

Ирония более интеллектуальна, чем юмор, она склонна к рефлексии и эмоционально более примитивна, чем юмор [4].

По С. Киркегору, юмор и ирония, составные комического, являясь потребностью человеческого познания, относятся к чувствам высоким, поскольку, осмеивая реальное положение вещей, каждый находит в себе мужество признать невысокую и довольно зыбкую систему ценностей, которую он же сам и выработал (Из лекции “Kierkegaard’s Concept of Nihilism”, прочитанной Майклом Майлэмом (США) в ИГЛУ в 1966 г.).

Действительность же, в соответствии со взглядами Киркегора, трехмерна: эстетическое бытие, существующее по законам красоты, которая заставляет индивида стремиться к переменам – от худшего к лучшему, от низменного к возвышенному, прекрасному; этическое бытие, представленное нормами морали и этики поведения индивида, проявляющееся через отношение к понятиям добра и зла; и, наконец, религиозное бытие – момент самой высокой и вечной истины, путь к которому для каждого человека различен [7, 8].

Индивид хорошо осознает условность тех цензоров и рамок, которые он сам себе и вырабатывает. Юмор и ирония позволяют ему познать относительность категоризации действительности; они являются пограничными зонами между эстетическим и этическим, этическим и религиозным бытием соответственно, следовательно, средствами достижения божественного (высокой и вечной истины).

Комическое, таким образом, призвано подчеркнуть зыбкость и преходящий характер человеческих ориентаций. В этом случае мы имеем дело с «серьезным аспектом» парадокса, в соответствии с которым парадокс является актом самопознания и самооткровения.

Комическому во всех формах присуща одна общая черта, которую выделяют все исследователи природы и характера комического, – противоречие в самом широком его понимании, т.е. включающее в себя такие понятия, как «отклонение от нормы», «несоответствие», «контраст» и т.п. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно рассматривать понятие парадокса в аспекте комического, через комическое, в роли комического.

Нельзя не упомянуть рассуждение Гегеля об остроумии как форме мышления, которое «схватывает различие и противоречие, высказывает его, приводит вещи в отношения противопоставления друг к другу, но не выражает понятия вещей и их отношений. Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие, простое разнообразие представлений до существенного различия, до противоположности» [9. С. 378]. Данное положение классической философии закладывает надежный фундамент для построения альтернативных теорий о природе и сущности парадоксальных явлений.

Рассмотрение парадокса в качестве языковой игры выглядит более закономерным, если напомнить тот факт, что ряд исследователей, в первую очередь Л. Витгенштейн, сравнивали языковой процесс с игрой. «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что говорить на языке – компонент деятельности или форма жизни» [10. С. 90]. И далее он продолжает: «Представь себе многообразие языковых игр на таких вот и других примерах: отдавать приказы или выполнять их; описывать внешний вид объекта или его размеры; изготавливать объект по его описанию (чертежу); информировать о со-

бытии; размышлять о событии...» Всего Л. Витгенштейн приводит 16 примеров языковых игр. Характерно, что Дж. Остин, родоначальник теории речевых актов, опирался на логически сходные рассуждения в разработке первой классификации речевых актов [11].

Г.Г. Гадамер сумел выделить кардинальные признаки игры, позволяющие осуществить идентификацию в ситуациях знаковой культуры. Немецкий философ возражает против распространенного мнения, утверждающего, что любая игра преследует определенную цель. Он пишет: «Особенность человеческой игры заключается в том, что, вбирая в себя разум, эту исключительную способность ставить цели и сознательно к ним стремиться, она в то же время в состоянии обуздать это стремление к целеполаганию. Человечность человеческой игры именно в том, что в ней игровые движения... сами себя дисциплинируют и упорядочивают, как будто в этом действительно присутствует цель» [12. С. 289].

По мнению Г.Г. Гадамера, базовой структурной характеристикой игры является ритм. Продолжая рассуждать о таких важных признаках игры, как участие, вовлеченность участников во всепоглощающий ритм, Г.Г. Гадамер приходит к выводу о коммуникативном характере игрового действия: «...игра является коммуникативным действием в том смысле, что, собственно, не такая уж большая разница между тем, кто играет, и тем, кто наблюдает» [12. С. 289].

Приведенные высказывания позволяют сформулировать предположение об игровой сущности языкового парадокса. Используя словосочетание «игровая сущность парадокса», мы придаем ему более широкий смысл. Логика рассуждений Г.Г. Гадамера о необязательности цели и целеполагания как структурных компонентов игры позволяет предположить, что языковой (в частности, фразеологический) парадокс не всегда будет иметь иллюкативную цель. Так, использование фразеологического парадокса обычно сопровождается комическим эффектом, но было бы неверно утверждать, что желание посмеяться связано у коммуникантов с определенной речестратегической целью. Необязательность такой цели также входит в игровую сущность парадокса [13, 14].

Парадокс, как часть речевого воздействия, может использоваться в следующих коммуникативных ситуациях:

1. Парадокс может действовать отвлекаяще и удерживает смысл от дальнейшего продвижения по ложному или запретному пути в условиях назревающего конфликта. Парадоксальный характер действий или слов избавляет партнеров по коммуникации от необходимости серьезно относиться к сказанному или к вновь обнаруженным фактам. Тем самым устраняется причина конфликта.

К примеру, спор можно легко завершить, использовав парадокс, который вызовет смех, положительные эмоции:

– Kreshak know anything?

– He goes out today. He's the one who always wants somebody *combining his hair*. He gives me creeps.

I patted her starchy shoulder. "If you have *to comb* it again, you've got my permission *to use a chair-leg*."

The gag was no good, but I heard the girl giggle... (J. Joyce).

2. Парадокс может быть использован в ситуации, требующей выяснения взглядов, позиций, намерений партнера по коммуникации, но исключающей постановку прямых вопросов на эту тему.

В нижеприведенном примере один из собеседников, пытаясь выяснить намерение партнера по коммуникации, использует окказиональный ФП вместо прямого вопроса на эту тему:

«All the men are alike in the United States, aren't they? It makes no odds whether a man has a thousand pound, or nothing, there. Particular in New York, I'm told, where Ned landed» (Kenkusha).

В данном примере парадоксальным образом изменена ФЕ *make odds even* – «устранить различия, сгладить разницу».

3. Парадокс может использоваться с целью «развенчания и срывания масок», для выражения критического отношения к какому-то явлению объективной действительности. При этом степень критичности может быть различной.

«Nowadays with our modern mania for morality, everyone has to pose as a paragon of purity, incorruptibility, and all the other seven deadly virtues, and what is the result?» (O. Wilde).

В данном примере ФП «seven deadly virtues» используется с целью обличения и выражения критического отношения к буржуазной морали.

4. Парадокс может быть использован в качестве средства завоевания благосклонного отношения более влиятельного лица. Говорящий прибегает к самоотрицанию, к «возвышению» своего собеседника.

Например, один из партнеров по коммуникации использует ФП «to build castles in the air» для характеристики своих действий и самоуничужения, а «ловкие» действия своего влиятельного партнера может охарактеризовать, используя ФП «to run with the hare and hunt with the hounds» для того, чтобы влиятельный собеседник почувствовал жалость по отношению к говорящему и был бы благосклонен к последнему. Трудно оставаться равнодушным к похвалам и лстивым речам окружающих. Осознание собственной значимости и нужности людям рождает положительные эмоции и располагает к коммуникации.

5. Парадокс используется для оказания поддержки испытывающему смущение человеку, который оказался в какой-либо неловкой ситуации, так как невольно нарушил правила этикета.

Используя парадокс, говорящий пытается вызвать улыбку, добрый смех, которые непременно разрядят обстановку и могут действовать отвлекающе.

К примеру, чтобы подбодрить опоздавшего гостя, хозяин может использовать ФП *punctuality is the thief of time*. Данный ФП встречается в произведении О. Уайльда «Портрет Дориана Грея»: «Lord Henry had not come in. He was always late on principle, his principle being that punctuality is the thief of time».

6. Парадокс может использоваться с целью смягчения противостояния. Обрывая рассуждение, парадокс цепко схватывает мысль и выводит абсурдность в четкий фокус, тем самым происходит смена темы разговора и замена морального противоречия парадоксальным противоречием. Таким образом, партнеры по коммуникации избегают конфликтных моментов и ссор.

«I wish we could be married and have five sons," the Colonel said.

«So do I,» the girl said. «And send them to the five corners of the world».

«Are there five corners of the world?» «I don't know,» she said. «It sounded as though there were when I said it» (E. Hemingway).

Девушка, обрывая предложение своего собеседника, использует ФП «five corners of the world» для того, чтобы сменить тему разговора.

7. Зачастую проблема, которую коммуникантам предстоит обсудить, очень сложна и серьезна, поэтому собеседники испытывают психологическое «чувство дискомфорта», боятся подступить к ней. Во многих случаях это обусловлено тем, что им приходится обсуждать темы, именовать явления действительности, которые в силу социально-психологических причин являются табуированными в данном обществе. Парадокс в таких случаях выступает в качестве средства, позволяющего выразить чувства по отношению к тому, для чего не существует социально приемлемого или легкого способа выражения.

«The amount of women in London who flirt with their own husbands is perfectly scandalous. It looks so bad. It is simply washing one's clean linen in public» (O. Wilde).

В приведенном примере говорящий выражает свои чувства по отношению к предосудительному поведению некоторых людей. Говорящий использует окказиональный ФП «washing one's clean linen in public», так как не существует легкого способа выражения для такого поведения.

8. Парадокс способен разряжать обстановку, разрушать барьеры между людьми, сокращать дистанцию между коммуникантами, облегчая тем самым процесс общения и придавая ему неформальный, интимный характер. Это позволяет использовать парадокс как средство завоевания расположения партнера по коммуникации, привлечения и удержания его внимания.

«He's no longer a stumbling block. A rolling stone. That is». Jose smiled. The trust was recovered (R. Dahl).

В данном примере ФП образуется в результате «сталкивания» двух фразеологизмов – a stumbling block и a rolling stone. Их компоненты stone и block находятся в тематической связи как слова свободного употребления. Однако попадая во фразеологический фрейм, они – в данном контексте – актуализируют слот «твердый; каменный» (герой, о котором идет речь, отличается неуступчивым характером). С другой стороны, a rolling stone – «перекати-поле», «вечно странствующий человек» – вводит в контекст контрастное данному слоту поле. Так возникает парадокс, снимающий напряжение предшествующей ситуации, восстанавливающий доверие между коммуникантами.

Все вышеприведенные коммуникативные ситуации описывают различные виды речевого воздействия с целью непрерывной коммуникации между собеседниками.

Приведенная типология коммуникативных ситуаций, в рамках которых использование вербальных средств подчинено цели создания парадоксального эффекта, и выявленные при этом закономерности построения сообщений позволяют прогнозировать те когнитивные механизмы, которые лежат в ос-

нове вербальных средств, целенаправленно используемых для передачи информации парадоксального характера [15].

В этой связи следует отметить, что для выяснения мнения партнера по коммуникации по поводу обсуждаемой ситуации, для того чтобы «увести в сторону» от серьезных и очень серьезных аспектов проблемы, обсуждение которых может создать конфликтную ситуацию, или для того, чтобы не акцентировать внимание на имеющей место в рамках данной ситуации «поведенческой ошибке», а указать на нее в мягкой форме, субъект речи использует прием выделения новых, парадоксальных, неожиданных или явно второстепенных аспектов обсуждаемой ситуации, что в силу изменения ракурса ее рассмотрения, несомненно, ведет к нарушению общего стереотипного представления о ситуации [16].

В данной статье рассматриваются фразеологические единицы с парадоксальной природой. Интерес к фразеологическому парадоксу не случаен. Фразеологизмы могут выполнять роль стереотипов культурно-национального мировидения. Фразеологический парадокс в этом случае представляет собой нарушение стереотипов категоризации действительности таким образом, что новое направление категоризации прямо противоположно изначальному. Направления новой, противоположной исходной, категоризации сводятся к следующим нарушениям стереотипов:

1) нарушение стереотипов, обозначающих «социальные роли в обществе» (например, *child is father of the man, run with the hare and hunt with the hounds, a person of awkward manner dressed so finely that he cannot move easily* и проч.);

2) нарушение стереотипов времени (например, *when two Sundays come in one week, to the end of time, month of Sundays* и проч.);

3) нарушение стереотипов меры (например, *four corners of the earth, a square peg in a round hole, half is more than the whole* и проч.);

4) нарушение стереотипов места (например, *castles in the air, nearer the church the farther from the God, get in front of oneself* и проч.);

5) нарушение «вещественных» стереотипов (например, *a cat has nine lives, Pigs may fly, but they are very unlikely birds, blood from a stone* и проч.);

6) нарушение стереотипов соответствия (например, *after death the doctor, burn the candles at both sides, to swim like a stone* и проч.);

7) нарушение стереотипов, обозначающих физические действия (например, *seat on two stools, to comb somebody with a three-legged stool, attack is the best method of defence* и проч.);

8) нарушение стереотипов, обозначающих свойства интеллекта (например, *have more brains in one's little finger than one has in his whole body, be of two minds, have an old head on young shoulders* и проч.);

9) нарушение стереотипов чувственных восприятий (например, *he who has never tasted bitter, knows not what is sweet, as happy as a young pet* и проч.);

10) нарушение стереотипов поведения (например, *be cruel to be kind, agree to differ, who pleased everybody died before he was born* и проч.).

Вышеприведенная классификация выделяет различные виды узуальных разновидностей фразеологического парадокса. Окказиональные же разновидности фразеологического парадокса – это фразеологизмы, которые в резуль-

тате контекстного обыгрывания изменяют узуально закрепленное за ними чувство-отношение на противоположное. В дальнейшем изложении проблемы нам понадобится понятие «иллокутивная сила (функция) фразеологического парадокса (далее – ФП)». Основываясь на понятии «иллокутивная сила высказывания с ФЕ», введенного А. М. Каплуненко, мы вводим понятие «иллокутивная сила окказионального ФП». Эмотивность и иллокутивная сила неразрывно связаны. Перед нами стоит задача определить, какова иллокутивная функция окказионального фразеологического парадокса в речевом акте, т.е. понять, чего пытается добиться говорящий/слушающий, используя окказиональный ФП.

Приемы контекстного обыгрывания фразеологических единиц (далее – ФЕ) и возникновения ФП можно свести к двум видам трансформаций:

- изменению внешней формы, структуры, компонентов, т.е. деформации;
- изменению внутренней формы, семантики, т.е. модификации.

Приступим к анализу окказиональных ФП:

I read «Under a disconcertingly brusque and even harsh manner mr. Chawdron concealed the kindest of natures. A stranger meeting him for the first time was often repelled by a certain superficial roughness. It was only his intimates that he revealed – guess what – «*the heart of gold* beneath».

«*Heart of gold!*» Tilney took his pipe out of his mouth to laugh.... «Extraordinary». I reflected aloud,» the way they all have hearts of gold, and religious senses. Every single one, from the rough old man of science to the tough old business man and the gruff old statesman.»... «*Hearts of gold!*» Tilney repeated... «Hearts of hog-wash.. For it isn't only tough old business men who have the hearts of hog-wash. It's also, as you yourself remarked just now, the gruff old scientists, the rough old scholars, the bluff old admirals and bishops and all the other *pillars of christian society*» (A. Huxley).

Дискурсивные стратегии коммуникантов, как явствует из контекста, диаметрально противоположны. Несмотря на противоположность стратегий аксиологическое ядро высказываний автора и его собеседника Тилнея приходится на фразеологизм *heart of gold*. Аксиологическая центральность фразеологизма в высказывании неоднократно определялась исследователями как иррадиация [17], эмотивная доминанта текстообразования [18, 19]. Характерно, что положительная эмоционально-оценочная доминанта в высказывании автора нейтрализует отрицательную оценку, отвергающую аксиологическую доминанту авторского высказывания, Тилней прибегает к замене ключевого компонента ФЕ (*gold – hog-wash*). В результате повторно использованные предикаты *rough, tough* и *gruff* вновь обретают свойственную им отрицательную оценку (несомненно, трансформации соответствует введение дополнительного предиката). Но, пожалуй, самая примечательная аксиологическая трансформация происходит с фразеологизмом *pillars of (christian) society*. Он приобретает окказиональный парадоксальный смысл в результате «иллокутивного давления» со стороны преобразованной ФЕ *heart of gold* и вновь обращенных прилагательных, характеризующих объект иллокуции. Иллокутивную силу высказывания можно выразить контраргументативной пропозицией; «А я заявляю, что не из золота у них сердце, а из помоев... у всех столпов общества».

Нетрудно заметить, что в описании иллокутивной силы двух противоборствующих стратегий в качестве ключевых средств выражения избраны перформативный глагол-декларатив «заявляю» и оценочные предикаты высказываний. Нецелесообразно категорически настаивать на безвариантности такого рода интерпретации: возможно, при ином понимании иллокутивной цели [20] результатом будет последовательность простых пропозиций. Тем не менее избранный вариант представляется более предпочтительным, потому что он позволяет свести в одно целое иллокутивные и эмоционально-оценочные параметры высказывания с окказиональными ФП.

Обратимся к другому примеру:

«They put the graphite salve on his temple. «What is it?» he says, «Conductant,» the technician says. «Anointest my head with conductant. Do I get a crown of thorns?» (K. Kesey).

Интерпретатор высказывает пренебрежение, для которого характерен следующий расклад факторов: субъект отношения воспринимает себя как некий «эталон», образец, знаток и т.п. (некто вроде эксперта), а объект недостойн его интереса, внимания, не имеет для него существенного значения или значимости. Это несоответствие «настоящего», «подлинного» по своим качествам, достоинствам и т.п. и того, что недотягивает до такого эталона или стереотипа (которые складываются в обиходно-бытовой ценностной картине мира) и вызывает чувство-отношение пренебрежения. И это отношение может сопровождать эмоциональная реакция, но всегда более слабая по интенсивности чувства-состояния, чем та, которая характерна для презрения: в этих случаях дело не доходит до гнева, ярости, бурного негодования. Скорее всего, здесь можно говорить об иронии в смысле С. Киркегора [21].

Цитируемый контекст примечателен тем, что ФП образуется на фоне сценария «страдания Христа», введенного в фокус дискурса при помощи словосочетания *anointest my head* и ФЕ *crown of thorns*. Иллокутивную силу можно выразить следующим декларативом: «Я заявляю, что ваш аппарат делает меня похожим на пытаемого Христа». Вместо эксплицитных предикатов оценки в данной пропозиции действует известный эффект метафорического переживания опыта из иного возможного мира [22–25].

«Why, see here, my friend mr. McMurphy, my psychopathic sidekick, our mrs Ratched is a veritable *angel of mercy* and why just everyone knows it. She's unselfish as the wind, toiling thanklessly for the good of al,l day after day, five long days a week. That takes heart, my friend, heart» (K. Kesey).

В текстах письменной речи, в которых фактор адресата выражен достаточно определенно, сохраняется потенциальная диалогичность.

В данном примере стереотипное словосочетание *angel of mercy* употреблено относительно жестокой, бессердечной женщины. Библейские, поэтические ассоциации, связанные с прямым значением, вступают в противоречие с ассоциациями, вызванными переносным контекстуальным значением «злая, жестокая женщина». Пример иллюстрирует аксиологическую иррадиацию ФЕ *heart of gold* в одном из рассмотренных выше примеров. Однако механизм парадоксального аксиологического обращения ФЕ здесь не эксплицирован. Источник отрицательной эмоционально-оценочной интерпретации – в общих фоновых знаниях коммуникантов (оба испытали на себе характер медсест-

ры). Примечательна организация поясняющей фразеологизм части контекста. Она представлена метафорическим сравнением *as unselfish as wind* и словосочетанием, вводящим развернутый сценарий действия – *is toiling thanklessly for the good of all, day after day, five long days a week*. Как известно со времен исследований А. Вайсгербера и подтверждено опытом когнитивной лингвистики, метафорические концепты, равно как и концепты действий и событий, допускают альтернативную категоризацию в зависимости от ценностных ориентаций коммуникантов [26]. Отрицательное отношение коммуникантов к медсестре дает следующую иллокуцию: «Говорю тебе, мы-то знаем, каков на самом деле этот "ангел", бескорыстный как ветер и не ищущий благодарности за «неустанный труд в течение недели!» Выведение в ядро данной пропозиции предиката знания объясняется тем, что ведущим аксиологическим фактором являются фоновые знания коммуникантов. Характер ядерного предиката определяет парадоксальный смысл фразеологизма метафоры и сценарные действия. «Тотальное» парадоксальное обращение смысла дает основание заключить, что фоновые знания – наиболее мощный прагматический фактор формирования окказиональных ФП.

На фоне многомерного речевого парадокса заключительное предложение – *That takes heart, my friend, heart* (иллокутивная сила: «Не представляю, какое сердце надо иметь!») – также принимает парадоксальный характер. Идиома *take heart* в узуальной интерпретации выражает чувство-одобрение; в парадоксальном контексте наличествует чувство-презрение.

Чувство-отношение, возникающее у интерпретатора, можно истолковать следующим образом: объектом презрения выступает этическое лицо. Это устойчивое, интенсивное, эмоционально-оценочное отношение отрицательного спектра возникает здесь в связи со значимым для субъекта человеком и вызывается нарушением со стороны объекта оценки основных морально-этических норм субъекта в сфере социальных отношений [27]. Интерпретатор воспринимает себя как носителя морально-нравственных норм, а объект в данном случае нарушает эти нормы.

Необходимо отметить весьма высокую распространенность слова-символа *heart* в парадоксальных фразеологических контекстах.

«We are at the heart, here, of our human universe. Come, then, let us frankly admit that we are *citizens of this mean city, make the worst of it resolutely and not try to escape*» (А. Huxley).

Объяснение, как представляется, вытекает из концептуальной многомерности символов. Данное свойство символов эффективно поддерживает кажущуюся двусмысленность парадоксальных контекстов. «Сердце человеческого общества» оказывается полным пороков. Этот смысл индуцирован парадоксальной трансформацией фразеологизмов *citizens of no mean city* и *make the best of something*. (Аналогичной трансформации была подвергнута ФЕ *heart of gold* в приведенном первом примере.) Таким образом, замена компонента, по-видимому, оказывается самым эффективным из эксплицитно выраженных средств парадоксального превращения ФЕ. Иллокуцию высказывания с окказиональным ФП можно выразить следующей пропозицией: «Заявляю, что мы, жители этого мерзкого города, делаем его еще омерзительнее и не хотим ничего изменить». Сочетание иллокуции и оценки весьма харак-

терное (несмотря на трудность передачи фразеологического парадоксального смысла при попытках составить адекватную пропозицию).

Не всегда замена компонента ФЕ приводит к парадоксальному эффекту. Парадокс отсутствует, если компонент заменяется словом, имеющим равноценное аксиологическое значение в языковой картине мира интерпретатора.

«I know I get more joy out of two good pair of legs than out of any number of uplifting plays of the kind they'd be sure to act in your little theatres. The people *ask for sex and you give them a stone*» (A. Huxley).

Исходная форма ФЕ – *ask for bread and be given (receive) a stone*. Замена слоеного компонента *bread* словом *sex* принципиально не меняет характер чувства-отношения, выраженного фразеологизмом. Иллокуция «Я осуждаю вас за то, что вы не даете людям чего они хотят» и по признаку вердиктива отличается от иллокуции следующего высказывания с той же ФЕ:

...Yes, I loved him. My love grew as I saw yours fade... He asked for bread and you gave him a stone (АРФС).

По характеру высказываний с окказиональными ФП можно заключить, что преобладающей иллокуцией в них является декларатив. Как представляется, это обстоятельство связано с игровой сущностью парадокса. В отличие от других иллокутивных актов (например, от вердиктива или комиссива, нацеленных на достижение весьма серьезного перлокутивного эффекта) декларатив не предполагает каких-либо категоричных требований, обязательств, претензий к коммуникантам (перформативность глагола «заявлять» ставилась под сомнение еще Дж. Остиным). В большинстве контекстов, связанных ключевой пропозицией «Я заявляю, что S», нелегко разглядеть планируемый перлокутивный эффект. Поскольку одним из наиболее стойких признаков игры является отсутствие цели [12], декларативная иллокуция оказывается наиболее распространенной и типичной для соответствующих речевых актов.

Данный вывод подтверждается также тем, что, используя ФП в неигровом контексте, говорящий обычно наделяет высказывание иной, отличной от декларатива иллокуцией. В качестве примера приведем цитату из речи А. Линкольна:

Mr. Speaker, it is no business or inclination of mine to defend Martin Van Buren. In the war of extermination now waging between him and his old admirers, I say, *devil take the hindmost – and the foremost*. But there is no mistaking in the origin of the breach; and if the curse of «stinking» and «rotting» is to fall on the first and greatest violators of principle in the matter, I disinterestedly suggest, that the gentleman from Georgia and his present co-workers are bound to take it upon themselves (Great Speeches).

Очевидно, что окказиональный парадокс *devil take the hindmost* употреблен в контексте ассертивной иллокуции. Несмотря на директивный характер заключительной пропозиции *I suggest that A do P* [28], высказывание в целом развивает ассертивную иллокуцию, потому что обращено к спикеру.

Характерная особенность речей А. Линкольна – частое использование парадокса в заключительной части неизбежно заставляет призадуматься: является ли данная особенность чертой языковой личности или она скорее выра-

жает определенную дискурсионно-композиционную закономерность использования парадоксов.

Большинство аргументов свидетельствует в пользу второго предположения. Во-первых, парадоксальная смысловая структура заключения речи, статьи, эссе – в целом, жанровых форм, подпадающих под определение аргументативного дискурса – это далеко не исключительная особенность А. Линкольна как языковой личности. Для подтверждения приведем два примера: концовку «Введения» философско-биографической книги Д. Буэрстина о Т. Джефферсоне и окончание лекции известного европейского политолога Дж. Галтунга:

While the «world» of Thorns Jefferson - the mindscape of ideas which I describe in this book – may be lost, the figure of Jefferson is very much with us. This heroic Jefferson embodies the conundrum: How can *our past speak to our present?* The miracle is now a man so thoroughly immersed in the peculiar thought of his age can remain a living American statesman in the twentieth century. (Boorstin).

Why should we have a dependency on capitalist production patterns when the Green economy and the informal economy could be doing so much for us – meaning, by «informal economy», production for own consumption... and production for exchange against money, but in very small, limited economic cycles. However, when this happens in my country, the bureaucrats come in and want to tax it, and you are supposed to put it on your income – tax return, otherwise *they are not green but have a black economy* (Galtung).

Выделенные курсивом сочетания слов в цитатах обладают парадоксальным смыслом, хотя и не являются фразеологическими парадоксами.

Представляется, причины регулярного использования парадоксальных контекстов в заключительных высказываниях участников аргументативного дискурса, прежде всего, заключаются в особом характере этой структурно-композиционной части коммуникации. О ее относительной автономности в структуре целого неоднократно упоминалось в лингвистике текста и литературоведении [22, 29–31]. В заключительной части аргументативного дискурса высказывание стремится к семантической автономности, принимая порой парадоксальные формы, отражающие стратегии взвешивания «за» и «против». Эти формы обычно лексикализуются (ср. *past – present; green – black* в вышерассмотренных примерах), потому что семантическая автономность требует эксплицитных форм выражения, обладающих относительной контекстной свободой.

Образование фразеологических парадоксов обычно также связано с заменой, перестановкой компонентов, их использованием в грамматически антонимичных формах. Примеры, иллюстрирующие замены компонентов, уже приводились; ниже даются примеры перестановки компонентов и использования грамматически антонимичных форм:

«Scientific morality is heartily disliked by the sentimental humanitarians, who *are kind only to be cruel*, and ignored by politicians, as having no relation to the next election» (W.R. Inge).

В данном примере возникает ФП в результате перестановки компонентов в *to be cruel to be kind*. Источником данной единицы является произведение У. Шекспира «Гамлет»: «I must be cruel only to be kind» (W. Shakespeare).

Ассертивный характер иллокуции устанавливается на основе анализа ценностных ориентаций автора высказывания, исповедуемых в дискурсе. У. Инге считает либерализм гуманистическим опасным идейным заблуждением, препятствующим более трезвому «инженерному» подходу к решению проблем человечества. Данная ориентация способствует наращению ассертивной иллокутивной силы в дискурсе. В окказиональном ФП эксплицируется ее обвинительный пафос.

Парадоксальным образом изменена ФЕ *I came, I saw, I conquered*:

«When Ramsay Macdonald became Foreign Minister in the first Labour Government it was said of him *«he came, he saw, he was conquered...»* («World News»).

ФП употреблен в начале аналитической статьи. В последующем изложении обозреватель подробно обосновывает причины, побудившие его осудить Р. Макдональда в несамостоятельности и политической непоследовательности. Ассертивная иллокуция (с ФП-экспликатором иллокутивной семантики высказывания) свойственна и этому примеру грамматической инверсии фразеологизма [32].

В связи с тем, что ассертивная иллокуция во многих контекстах с окказиональным ФП соотносится с перформативными глаголами «порицать», «обвинять», «осуждать» обращает на себя внимание следующее высказывание Дж. Остина: «В жизни человека часто бывают ситуации, когда он испытывает какую-либо эмоцию или желание, или определенным образом относится к чему-то... данную эмоцию или желание можно, конечно, испытывать реально; но поскольку другим людям нелегко распознать наши чувства или желания, то мы обычно испытываем потребность сообщить окружающим об их наличии», и далее приведены примеры, в которых имеют место и прямые соответствия указанных выше чувств-отношений: «Я порицаю», «Я одобряю», «Я осуждаю» [11. С. 73]. Дж. Остин замечает, что первые два высказывания относятся к перформативным высказываниям, а третье – к «перформативам уже не чистым, а наполовину описательным высказываниям. Наиболее сильным текстом, выявляющим иллокутивную силу, т.е. использование слова, равнозначное совершению поступка (акции), является, с нашей точки зрения, вставка наречия умышленно, которое сигнализирует об ответственности за содеянное [11. С. 74]: «Я умышленно выразил свое презрение; Я умышленно выразил пренебрежение и т.п.».

Повторный анализ приведенных в данном разделе работы примеров дает основание утверждать, что характер осуждения, обвинения в ассертивных иллокуциях, свойственных парадоксальным контекстам, действительно носит несколько дистанцированный от автора, явно расчетливый аксиологический смысл. Иными словами, и в «серьезных» ситуациях с использованием ФП наличествует некоторая декларативность, действие согласно стратегической установке. Представляется, что Д. Вандервекен более точно, чем Дж. Остин, выразил суть стратегии говорящего в таких случаях: «...умышленное осуж-

дение может быть представлено как косвенный речевой акт, в котором под декларативной формой скрыт ассертив» [33].

Мы приходим к следующим выводам:

1. Говорящий / пишущий осознает, что парадокс, точнее его социокультурный прототип, связан с игровой ситуацией. Поскольку целеполагание не является обязательным компонентом игры, говорящий вправе требовать от слушающего чисто «внешней» игровой интерпретации парадокса.

2. Поскольку в игре совершенно необязательно наличие цели, но обязательно присутствие ритма (в смысле Г. Гадамера), парадоксальные контексты обычно связываются с комическим эффектом. Это естественно, потому что для достижения последнего коммуникативное целеполагание необязательно, равно как и необязательно наличие цели в игре. С другой стороны, ритм является конститутивным признаком парадокса.

3. Поскольку использование игрового ритма с целью достижения комического эффекта неизбежно связано с нарушениями стереотипов восприятия действительности, важно подчеркнуть «несерьезность», поверхностный характер таких нарушений. В данных условиях комическое как бы снижает весомость последствий нарушения семантического согласования, необходимого для коммуникации в целях достижения перлокутивных эффектов «за пределами смеха». В когнитивном плане эта ситуация может быть охарактеризована как осознание носителем языка равновесия средств и целей: средство – парадокс – в стандартных ситуациях преимущественно служит достижению одной цели – комического эффекта.

4. Узуальные и окказиональные фразеологические парадоксы являются прежде всего манифестациями игровых контекстов культуры и языка.

5. Образование узуальных фразеологических парадоксов происходит на фоне стереотипов категоризации, отражающих типовые лингво-культурные прототипы.

6. Когнитивные механизмы формирования фразеологических парадоксов в английском языке неразрывно связаны с ценностными ориентациями и, в более широком понимании, особенностями языковой картины мира у англичан и американцев.

7. Фразеологические парадоксы применяются в качестве речестратегических приемов. Выдающиеся ораторы прошлых времен и современности пользовались окказиональным фразеологическим парадоксом для того, чтобы, образно выражаясь, соединить отвлекающий маневр с разящим ударом. Поскольку когнитивная перспектива восприятия парадокса привычно идет к игре и через нее к комическому эффекту (впечатление игры усиливается введением ритмических показателей), интерпретатор вводится в заблуждение. Его как-будто приглашают к игре, к несерьезному восприятию сказанного. Однако введение окказиональных глубинных смыслов, контрастирующих с игровыми поверхностными смыслами, позволяет говорящему использовать иллюзию, нацеленную на существенный перлокутивный эффект, прикрываясь впечатлением игры, игрового поведения.

В таких случаях не совсем правильно говорить о косвенных иллюкутивных речевых актах (в смысле Дж. Серля). Речевое воздействие окказионального ФП в таких контекстах выходит за пределы простого комбинирова-

ния двух иллокуций, исходя из постулатов Г. Грайса [34] или других аналогичных представлений о регламентирующих речевой этикет приемах.

8. Парадокс обращается в апелляцию к «серьезным» темам и намерениям, если говорящий вводит в контекст единицы смысла с противоположным исходному экстенционалом. Говорящий, используя окказиональный парадокс, повышает надежность избранной речевой стратегии. Требуя – по социолингвистическим нормам – от слушающего игровой интерпретации сказанного, он тем не менее выражает стратегически важные мысли и при этом лишает слушающего возможности адекватного по эффективности ответа: ведь экстенционал темы уже исчерпан в результате использования говорящим слов или словосочетаний с противоположными смыслами в рамках одного высказывания.

9. По параметрам иллокутивной семантики, в результате речестратегических действий говорящего в дискурсе обычно взаимодействуют две иллокуции: декларативная и ассертивная [35]. Это – «техническое» определение когнитивного механизма окказионального ФП.

Таким образом, фразеологический парадокс – это не совсем обычное явление в рамках так называемой естественно-рассудочной аргументации или наивного мышления. Нарушение стереотипа восприятия знаменует прорыв за пределы первичных представлений. Поэтому остроумие никогда не считалось выражением обыденного сознания, а всегда воспринималось как языко-творческая деятельность.

Литература

1. Советский энциклопедический словарь / науч.-ред. совет: А.М. Прохоров (председатель), М.С. Гиляров, Е.М. Жуков, Н.Н. Иноземцев, М.Б. Храпченко. М.: Сов. энцикл., 1981. 1600 с.
2. Словарь литературоведческих терминов [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456>
3. Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%81>
4. Дземидок Б. О комическом. М.: Прогресс, 1974. 223 с.
5. Боров Ю. Комическое. М.: Искусство, 1970. 269 с.
6. Овсянников В.В. Языковые средства выражения комического в англоязычной прозе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 23 с.
7. Тармаева В.Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1997. 140 с.
8. Тармаева В.Д. Когнитивная природа фразеологического парадокса в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1997. 21 с.
9. Гегель. Феноменология духа. М.: Мысль, 1975. С. 370–378.
10. Витгенштейн Л. Философские работы. 4. 1. / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 612 с.
11. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 16. С. 22–29.
12. Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 280–288.
13. Тармаева В.Д. Окказиональные разновидности фразеологического парадокса: анализ в контексте дискурса. Улан-Удэ: Бурят, гос. ун-т, 1997. 27 с. Деп. в ИНИОН РАН 19.02.98, ФН № 53299.
14. Тармаева В.Д. Языковая игра и фразеологический оборот // Фразеология и личность. Иркутск, 1995. С. 114–119.

15. *Тармаева В.Д.* К вопросу о содержании когнитивной оценки фразеологического парадокса // Проблемы вербальной коммуникации и представления знаний: материалы Всерос. науч. конф. Иркутск, 1998. С. 176.
16. *Тармаева В.И.* Гармония как дидактическое понятие лингвистики // Языковая реальность познания: Вестн. ИГЛУ. Сер. Лингвистика. 2005. № 6. С. 50–58.
17. *Гераскина Н.А.* О понятии фразеологического парадокса // сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореца. М., 1981. Вып. 216. С. 85–92.
18. *Мошайшвили С.А.* Текстобразующие функции фразеологической конфигурации в сверхфразовом единстве (на материале глагольных фразеологических единиц английского языка, характеризующих субъект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 24 с.
19. *Шаховский В.И.* Проблема разграничения экспрессивности и эмотивности как семантических категорий лингвистилистики // Проблемы семасиологии и лингвистилистики. Рязань, 1975. Вып. 2. С. 23–41.
20. *Баранов А.Н.* Аксиологические стратегии в структуре языка (паремиология и лексика) // Вопр. языкознания. 1989. № 3. С. 74–90.
21. *Подорога В.С.* Выражение и смысл. М.: Наука, 1995. 380 с.
22. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 124 с.
23. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., 1987. С. 126–170.
24. *Гадамер Г.Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
25. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Наука, 1993. 205 с.
26. *Varanov A.N., Dobrovolski D.O.* Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology // Journal of Pragmatics, 1996. № 25. P. 409–429.
27. *Графова Г.А.* Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. 214 с.
28. *Серль Дж.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 17. С. 170–194.
29. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 136 с.
30. *Мегентесов С.В.* Импликативные связи в структуре текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981. 23 с.
31. *Арнольд И.В.* Текстовой и сентенциональный уровень стилистического анализа: межвуз. сб. научн. тр. Л.: ЛГПИ, 1989. 160 с.
32. *Капдуненко А.М.* Историко-функциональный аспект английской идиоматики: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 351 с.
33. *Vanderveken D.* Meaning and Speech Acts. Colombia: Colombia Publication House. 1996. 380 p.
34. *Грайс Г.П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–238.
35. *Тармаева В.И.* Дивинация событий как установка когнитивной гармонии в повествовательном дискурсе // Филология и человек. 2012. № 3. С. 86–95.

PHRASEOLOGICAL PARADOX FROM THE COGNITIVE LINGUISTICS APPROACH.

Tomsk State University Journal of Philology, 2014, 4 (30), pp. 43–60. DOI 10.17223/19986645/30/4
Tarmaeva Victoria I., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: vtarmaeva@mail.ru

Keywords: phraseological paradox, cognitive linguistics, illocutionary speech acts, proposition, language game, illocution, transformation.

In this article the paradox is seen as a language game. The use of a phraseological paradox is usually accompanied by a comic effect. The desire to laugh is connected with a certain speech strategic purpose of communicators. Optionality of this goal appears to be the game essence of the paradox. The paradox as a part of speech influence is used in various communicative situations that require ascertaining the intentions of the communication partner without posing direct questions on the subject. Interrupting a discourse the paradox grasps thought and displays the absurdity into sharp focus, thus changing the topic of a conversation and replacing the moral contradiction by the paradoxical one.

The paradox is able to defuse and destroy the barriers between people, reduce the distance between the communicators, thus facilitating the process of communication and giving it a casual informal character. This enables us to use the paradox as a means of conquering a communication partner, attracting and keeping one's attention.

This article discusses phraseological paradoxes that are primarily demonstrations of game contexts of culture and language. Cognitive mechanisms of the formation of phraseological paradoxes in the English language are inextricably linked with value orientations and, in a broader sense, peculiarities of the linguistic picture of the world typical of the English and the Americans.

The cognitive perspective of paradox perception habitually goes to the game, and through it to the outer effect. As a result, the interpreter is being misled. It is like being invited to the language game, to the non-serious perception of what was said. However, the introduction of deep meanings, contrasting and co-operating with game surface meanings, allows the speaker to use illocution which is aimed at the significant perlocutive effect under the impression of the game, play behavior.

In such cases it is not quite correct to identify them as indirect speech acts (according to J. Searle). The impact of occasional phraseological paradoxes in such contexts is beyond a simple combination of two illocutions or other similar views on ways that regulate speech etiquette.

The paradox appeals to "serious" themes and intentions, if the speaker puts units with the opposite meaning to the original extension into the context. The speaker, using the occasional paradox, increases the reliability of the chosen speech strategy. Demanding from the listener game interpretation pertaining to sociolinguistic norms, nevertheless it (the paradox) expresses strategic thoughts and thus deprives the listener of capabilities of adequate effective response, as the extension of the theme has already exhausted as a result of the use by the speaker of words or phrases with opposite meanings within the same statement.

References

1. Prokhorov A.M. (ed.) *Sovetskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Soviet Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1981. 1600 p.
2. *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. Available at: <http://www.textologia.ru/slovari/literaturovedcheskie-terminy/?q=456>.
3. *Vikipediya* [Wikipedia]. Available at: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%81>.
4. Dzmidok B. *O komicheskom* [On the Comic]. Moscow: Progress Publ., 1974. 223 p.
5. Borev Yu. *Komicheskoe* [The comic]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1970. 269 p.
6. Ovsyannikov V.V. *Yazykovye sredstva vyrazheniya komicheskogo v angloyazychnoy proze*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Language means of expressing the comic in the English prose. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1981. 23 p.
7. Tarmaeva V.D. *Kognitivnaya priroda frazeologicheskogo paradoksa v angliyskom yazyke*. Dis. kand. filol. nauk [Cognitive nature of the phraseological paradox in the English language. Philology Cand. Diss.]. Irkutsk, 1997. 140 p.
8. Tarmaeva V.D. *Kognitivnaya priroda frazeologicheskogo paradoksa v angliyskom yazyke*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Cognitive nature of the phraseological paradox in the English language. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Irkutsk, 1997. 21p.
9. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya Dukha* [The phenomenology of spirit]. Translated from German. Moscow: Mysl' Publ., 1975, pp. 370-378.
10. Wittgenstein L. *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 612 p.
11. Austin J.L. Slovo kak deystvie [Word as an action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 1986, issue XVI, pp. 22-29.
12. Gadamer H.-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo Publ., 1991, pp. 280-288.
13. Tarmaeva V.D. *Okkazonal'nye raznovidnosti frazeologicheskogo paradoksa: analiz v kontekste diskursa* [Occasional variations of phraseological paradox: analysis in the context of discourse]. Ulan-Ude: Buryat State University Publ., 1997. 27 p.
14. Tarmaeva V.D. *Yazykovaya igra i frazeologicheskiy oborot* [Language game and a phraseological phrase]. In: Kaplunenko A.M. (ed.) *Frazeologiya i lichnost'* [Phraseology and a person]. Irkutsk: IGPIYa Publ., 1995, pp.114-119.

15. Tarmaeva V.D. [On the content of the cognitive assessment of a phraseological paradox]. *Problemy verbal'noy kommunikatsii i predstavleniya znaniy: materialy Vseross. nauchn. konf.* [Problems of verbal communication and knowledge representation. Proc. of the All-Russian scientific conference]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University, 1998, p. 176. (In Russian).
16. Tarmaeva V.I. Garmoniya kak didakticheskoe ponyatie lingvistiki [Harmony as a didactic concept of linguistics]. *Vestnik IGLU. Seriya Lingvistika*, 2005, no. 6, pp. 50-58.
17. Geraskina N.A. O ponyatii frazeologicheskogo pardoksa [On the concept of the phraseological paradox]. *Sbornik nauchnykh trudov MGPIYa im. M.Toreza*, 1981, issue 216, pp. 85-92.
18. Moshiasvili S.A. *Tekstoobrazuyushchie funktsii frazeologicheskoy konfiguratsii v sverkhfrazovom edinstve (na materiale glagol'nykh frazeologicheskikh edinits angliyskogo yazyka, kharakterizuyushchikh sub'ekt)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Text-forming functions of phraseological configurations in the supra-phasal unit (on the basis of verbal phraseological units of English describing the subject). Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1982. 24 p.
19. Shakhovskiy V.I. *Problema razgranicheniya ekspressivnosti i emotivnosti kak semanticheskikh kategorii lingvistiki* [The problem of distinguishing the expressiveness and emotivity as semantic categories of linguistic stylistics] In: *Problemy semasiologii i lingvistiki* [Problems of semasiology and linguistic stylistics]. Ryazan: Ryazan Pedagogical Institute Publ., 1975. Issue 2, pp. 23-41.
20. Baranov A.N. *Aksiologicheskie strategii v strukture yazyka (paremiologiya i leksika)* [Axiological strategies in the structure of language (paremiology and vocabulary)]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 1989, no. 3, pp. 74-90.
21. Podoroga B.C. *Vyrazhenie i smysl* [Expression and meaning]. Moscow: Nauka Publ., 1995. 380 p.
22. Bakhtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo Publ., 1979. 124 p.
23. Lakoff G., Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Translated from English. In: *Yazyk i modelirovanie sotsial'nogo vzaimodeystviya* [Language and modeling of social interaction]. Moscow: Progress Publ., 1987, pp. 126-170.
24. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method: The basic characteristics of philosophical hermeneutics]. Translated from German. Moscow: Progress Publ., 1988. 704 p.
25. Potebnya A.A. *Mysl' i yazyk* [Thought and Language]. Moscow: Nauka Publ., 1993. 205 p.
26. Baranov A.N., Dobrovolski D.O. Cognitive Modeling of Actual Meaning in the Field of Phraseology. *Journal of Pragmatics*, 1996, no. 25, pp. 409-429.
27. Grafova G.A. *Smyslovaya struktura emotivnykh predikatov* [The semantic structure of emotive predicates]. In: Teliya V.N. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Human factor in language: Language mechanisms of expressivity]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 214 p.
28. Searle J. Klassifikatsiya illokutivnykh aktov [Classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 1986, issue XVII, pp. 170-194.
29. Galperin I.R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow: Nauka Publ., 1981. 136 p.
30. Megentesov S.V. *Implikativnye svyazi v strukture teksta*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Implicative relations in the structure of the text. Abstract of Philology Cand. Diss.]. Moscow, 1981. 23 p.
31. Arnold I.V. *Tekstovoy i sententsional'nyy uroven' stilisticheskogo analiza* [Text and sentence level of stylistic analysis]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute Publ., 1989. 160 p.
32. Kaplunenko A. M. *Istoriko - funktsional'nyy aspekt angliyskoy idiomatiki*. Dis. dok. filol. nauk [Historical-functional aspect of English idioms. Philology Dr. Diss.]. Moscow, 1992. 351 p.
33. Vanderveken D. *Meaning and Speech Acts*. Colombia: Colombia Publishing House, 1996. 380 p.
34. Grice H.P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and conversation]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*, 1985, issue 16, pp. 217-238.
35. Tarmaeva V.I. Divinatsiya sobytiiy kak ustanovka kognitivnoy garmonii v povestvovatel'nom diskurse [Divination of events as orientation of cognitive harmony in narrative discourse]. *Filologiya i chelovek*, 2012, no. 3, pp. 86-95.